

Линия обороны

или Почти рождественская исто

ПРОГУЛКИ ПО ЯРОСЛАВЛЮ

Адрес этого дома – Большая Октябрьская, 92/63. Он стоит на углу улицы Победы, около него поворачивает трамвай, внизу магазин – для большинства из тех, кто ходит, ездит мимо да и живет сейчас здесь, это все, что можно о нем сказать. А вот прежние обитатели поведают такое, что хоть мемориальную доску открывай. Я бы открыла. С надписью: «Женщинам, которые жили в этом доме во время войны».

НОВОСЕЛЬЕ И ВОЙНА

Семья Сергея Александровича Кручининых в числе других новоселов въехала сюда в феврале 1941 года. В свое время он строил резинокомбинат. Судя по тому, что большинство соседей тоже оказались семьями строителей, дом, видимо, был детищем ярославской конторы «Моспромстрой» (будущий трест «Ярстрой») – единственной тогда в городе крупной строительной организации, возводившей и цехи бурно растущих в то время заводов, и жилье. Кручининых – он сам, жена Клавдия Михайловна, семилетняя дочь Калерия (Аля) и Люся, которой не исполнилось и года, – получили ордер не большую светлую комнату в квартире с общей кухней всего на двоих и с мечтой хозяйек тех лет – собственной ванной.

Радовались недолго – началась война.

В основе этих заметок – воспоминания Калерии Сергеевны, дополненные рассказами ее мамы, бывших соседей, все то, о чем в их семье никогда не забывали.

В первые же дни Сергей Александрович был мобилизован на трудовой фронт – на строительство оборонительных сооружений. Запомнилось первое, связанное с назначением отца географическое название, – Валдай и то, что он там стал кем-то вроде бригадира. Потом зазвучали другие названия – он где-то строил, восстанавливал, снова строил и вернулся домой только к концу войны. Но об этом позже.

Каждая семья проводила своих мужчин. В доме остались в основном женщины и дети.

В комнате Кручининых на стене появилась карта, на которой Клавдия Михайловна отмечала положение на фронтах. Ее брат, кадровый военный, служил в Западной Белоруссии, и связь с ним прервалась. Где-то там, на фронте, воевали мужья всех четырех сестер Сергея Александровича.

На одной площадке с Кручиниными жила женщина с двумя родственницами: одна – ее сестра, другая – сестра мужа. Обе Маши, обе работали на шинном. Они приходили домой не каждые сутки и страшно устали. А когда отоспятся, к ним заглядывали соседи – послушать, что Маши рассказывают. На таком большом заводе, конечно, было известно больше, чем сообщали по радио.

Осенью впервые Ярославль бомбили. Почти рядом с домом два моста, станция Всполье. Але казалось, что бомбы целили прямо в их дом. Ревели самолеты, все куда-то бежали...

Потом были другие бомбежки, но паники Аля больше не помнит. Три подвезда, два подвала, в них бомбоубежища – по

сигналу тревоги стали спускаться туда. Да и то только первое время, а после и спускаться перестали: говорили, что в подвале может засыпать. Бомбежку все население дома пережидало теперь у входа, под лестницами, чтобы в случае чего можно было быстро выскочить.

Неписаные правила поведения в новой ситуации складывались удивительно быстро.

Перестали спать в постели. Спали на полу. Около мамы лежал заплочный мешок, сделанный из наволочки (к уголкам привязаны ляжки из бечевки). Около Али такой же мешок поменьше с самым необходимым и корзиночка с пеленками и едой для Люси.

– Сразу после сигнала тревоги к нам прибегали ближайшие соседки. Тетя Вера Белкина хватала меня. Сразу после очередного налета меня начинала бить мелкая дрожь. Она прижимала меня к себе крепко-крепко, уносила и держала так до самого отбоя. Другая помогала укутывать Люсю. Та была болезненным ребенком. Помню, как однажды они с мамой обкладывали ее под одеяльцем бутылками с горячей водой.

А БОМБЫ НЕ ВЗРЫВАЛИСЬ

Ярославль в первую военную зиму стал прифронтовым городом. Окно Кручининых выходило на Большую Октябрьскую. Прижавшись носом к стеклу, Аля провожает взглядом колонну солдат с измученными лицами, в белых масках, с лыжами и санками-лодками за плечами. Санки вызывают у нее жгучую зависть. Что касается маскхлатов, то они для нее не в новинку: мама строчит на своей швейной машинке такие же, а еще мужское белье и странные рукавицы – с пальцем, чтобы удобнее было стрелять.

В первые же месяцы войны угловой магазин закрыли, в нем разместился персонал госпиталя, эвакуированного из Новгорода. Уходили от немцев кто в чем, врачихи и сестрички оказались в Ярославле без ничего, и Клавдия Михайловна перешивала им солдатское белье на женское. Те расплачивались хлебом и рыбьим жиром, что оказалось бесценным подспорьем. Люся глотала свою порцию рыбьего жира одним махом, Аля – со скандалом, давась, с зажатым мамой носом, но в конце концов тоже глотала.

Кто знает, может быть, благодаря рыбьему жиру они пережили наиболее тяжелую первую военную зиму относительно благополучно, по меркам, конечно, того времени. На самом деле без потерь. Много лет спустя, попав по какому-то поводу в больницу, Калерия Сергеевна после обследования представ

Женщины дома № 92 по ул. Б. Октябрьской. Вторая слева – К

перед врачом, и тот произнес весьма показательную фразу: «У вас, сорокалетней женщины, желудок семилетнего ребенка».

А тогда они просто жили в предлагаемых обстоятельствах. Году в сорок втором обитатели дома уже выходили во двор во время бомбежки – просто посмотреть. Бомбы падали совсем близко от их дома, но почему-то не взрывались. Одна угодила прямо под окно Кручининых и тоже не взорвалась. Взрослые говорили, что бомбы застревают в болотистом грунте. Среди детей ходила другая версия: на немецких военных заводах есть кто-то, кто «за нас».

Так или иначе, дому действительно везло. Горела улица Салтыкова-Щедрина, сгорело полквартала улицы Чайковского (там, где сейчас строят коттеджи), горел расположенный по ту сторону трамвайных путей военноремонтный завод. После одного, особенно масштабного налета за Алей и Люсей пришла бабушка и повела их к себе. Жила она в тесной подвальной квартирке у мельницы, рядом с Которослью. Аля запомнила, как они шли по ночному городу, вокруг все горело, и в темноте, на фоне пожара двигались неясные фигуры – народ тянулся, как и они, к реке.

Война все теснее сплавляла соседок. Как-то женщины их дома собрались все вместе, оделись потеплее, взяли саночки и отправились в деревню менять вещи на продукты. Клавдия Михайловна собрала в узел свои кашемировые платки, довоенные отрезки на платье, еще что-то.

Жили в их доме по-разному. Одни более или менее сводили концы с концами, но были такие, кому приходилось совсем плохо. Семья Петровых практически голодала. Муж на фронте, жена то ли белела, то ли по какой-то другой причине не работала, родственников нет, дети. Клавдия Михайловна иногда относила им тарелку супа или вручала Але эмалированное блюдо, и та собирала по квартирам для

Петровых кто что даст: картошку, кусок хлеба, очистки.

Вслед за мужчинами на фронт стали уходить повзрослевшие дети соседей. Котомки в дорогу собирали им всем миром. В 1942 году Аля пошла в школу, и ее собрал тоже весь дом: кто-то принес портфель, кто-то – написанные тетради своих старших детей, из чистых листов которых мастерицы тетрадью для нее. Мама сшила Але платье из серой фланели с красными булавками вместо пуговиц.

Школа отапливалась дровами. За ними дети, первоклассники в том числе, ездили с саночками на Вспольинское поле. Время от времени объявлялся большой сбор мам для поездки за дровами и торфом. Однажды Клавдия Михайловна простудилась, поднялась температура, но в ответ на Алины доводы, что «все мамы пойдут», через силу отправилась тоже. В результате поднялся такой жар, что она несколько дней пролежала без памяти, в бреду. Аля сидела рядом, заливаясь слезами, в ужасе от того, что мама умирает из-за нее. Спасла Клавдию Михайловну мать Алиной подружки, Нина Дмитриевна Лучинина, медсестра. С тех пор женщины подружилась на всю жизнь.

ПРОКОПЧЕННАЯ ЕЛКА

При всем тяжелом обстановке уныния в доме никогда не было, случались даже праздники. Лучший, конечно, Новый год.

Елку считали своим долгом устроить по очереди почти все семьи, и вокруг каждой собиралась вся соседская ребятня. Аля была убеждена, что самая замечательная елка получалась у них, у Кручининых. Почему-то она всегда выпадала на 7 января, хотя слово «Рождество» не произносилось. С нетерпением ее ожидали все соседские дети, некоторые буквально наскикивали с вопросами: «А елка у вас будет? А подарки?» «Будет, будет», – с улыбкой отбивалась Клавдия Михайловна.

Елки продавали тогда на пе-

ДОНЫ, какая история

Б. Октябрьской. Вторая слева – Клавдия Михайловна Кручинина.
Фото 1950-х годов.

Петровых кто что даст: картошку, кусок хлеба, очистки.

Вслед за мужчинами на фронт стали уходить повзрослевшие дети соседей. Котомки в дорогу собирали им всем миром. В 1942 году Аля пошла в школу, и ее собирал тоже весь дом: кто-то принес портфель, кто-то – исписанные тетради своих старших детей, из чистых листов которых смастерили тетрадки для нее. Мама сшила Але платье из серой фланели с красными бусинками вместо пуговиц.

Школа отапливалась дровами. За ними дети, первоклассники в том числе, ездили с саночками на Вспольинское поле. Время от времени объявлялся большой сбор мам для поездки за дровами и торфом. Однажды Клавдия Михайловна простудилась, поднялась температура, но в ответ на Алины доводы, что «все мамы пойдут», через силу отправилась тоже. В результате поднялся такой жар, что она несколько дней пролежала без памяти, в бреду. Аля сидела рядом, заливаясь слезами, в ужасе от того, что мама умирает из-за нее. Спасла Клавдию Михайловну мать Алиной подружки, Нина Дмитриевна Пучина, медсестра. С тех пор женщины подружилась на всю жизнь.

ПРОКОПЧЕННАЯ ЕЛКА

При всем тяжелом обстановке уныния в доме никогда не было, случались даже праздники. Лучший, конечно, Новый год.

Елку считали своим долгом устроить по очереди почти все семьи, и вокруг каждой собиралась вся соседская ребятня. Аля была убеждена, что самая замечательная елка получалась у них, у Кручинины. Почему-то она всегда выпадала на 7 января, хотя слово «Рождество» не произносилось. С нетерпением ее ожидали все соседские дети, некоторые буквально наскикивали с вопросами: «А елка у вас будет? А подарки?» «Будет, будет», – с улыбкой отбивалась Клавдия Михайловна.

Елки продавали тогда на пе-

реправе через Волгу, у Красного спуска. Клавдия Михайловна с соседками отправлялась туда вечером, затемно – нередко елки привозили сюда железнодорожники, естественно, нелегально. Однажды она приволокла оттуда настоящую лесную красавицу, но как только роскошные, смерзшиеся на морозе лапы стали расправляться, все вокруг превратилось в трубочистов. Пока эту елку везли, она насквозь пропиталась паровозным дымом, да так, что пришлось отмывать ее в ванной!

В дополнение к довоенным елочным игрушкам клеили из бумаги новые: фонарики, цепи, конвертики для подарков. Цепи вошли в новогодний арсенал недавно. Уже после того, как запрещенные в послереволюционные годы елки снова разрешили, цепи какое-то время оставались под запретом – как символ порабощенных народов. Что касается пакетиков, то с ними были связаны самые волнующие минуты праздника: в каждый Клавдия Михайловна помещала подарок – ржаной сочень с картошкой. Подарки раздавал Дед Мороз – она же с ватной бородой, в вывернутом наизнанку своем пальто на беличьем меху.

Мамы радовались не меньше детей, ведь им было всего около тридцати или чуть-чуть за тридцать. Хотелось придумать что-то еще. И они придумали. Нашли где-то мастера, который умел делать шестимесячную завивку и однажды предстали перед своими сыночками и дочками в преобразенном виде. Калерия Сергеевна признается, что не забудет этого никогда:

– Это был такой восторг – увидеть красивую маму!

А ЗАЧЕМ НАМ БЮСТГАЛЬТЕР?

Но какие же они были худые, их завитые мамы! Когда новгородский госпиталь из их дома выехал, на углу снова открылся продовольственный магазин, иногда там появлялись и пром-

товары. Как-то директор, раненый фронтовик, шепнул одной из соседок: «Скажи своим подружкам: бюстгальтеры привезли». На что последовал молниеносный ответ: «А нам они больше ни к чему!»

И не было тут никакой бравады. Редко кто из молодых женщин в те годы комплексовал на сей счет. Они ходили на Всполье смотреть на эшелоны с эвакуированными ленинградцами. А медсестра, которая выходила Алину маму, даже ездила вывозить их из осажденного города. Было с чем и с кем сравнивать.

Году в сорок третьем обитатели их дома получили на Вспольинском поле огорода.

– И это тоже было коллективное действие: коллективные хождения на посадки, коллективные – на полив (с ведерочками, которыми носили воду из Которосли), коллективный сбор урожая. Жизнь становилась более уверенной, весь наш двор застроился сараями, у людей появились припасы.

Уроки людского братства воспринимались разными людьми по-разному, одними быстрее, другими – постепенно. Дети постигали тонкости человеческих отношений на практике. При всей занятости Клавдия Михайловна всегда находила время для дочерей. Они очень любили мамыны куклы: нарисованные на бумаге, вырезанные и наклеенные на картонку куклы были любимыми игрушками. Как-то маленькая Люся стала тянуться к Алиной кукле. Та не дала. За Люсю попросила мама. Но Аля заупрямилась, а потом разозлилась и на глазах у всех разорвала свою куклу в клочки.

– Первый и единственный раз в жизни мама тогда оттянула меня веревкой, за что я ей очень благодарна. Без всяких объяснений я тогда многое поняла в жизни.

«ОБЫКНОВЕННАЯ ЖЕНЩИНА»

Отец вернулся неожиданно, и Аля его не узнала: в застиранной телогрейке, небритый. Спросила: «Дяденька, вы к кому?»

Вскоре отца наградили медалью «За оборону Москвы». О том, как именно ярославские строители защищали Москву, стало известно только по прошествии многих лет. Вот некоторые данные из документов архива. С ответственности за решением Совета труда и обороны, когда возникла угроза продвижения гитлеровцев в обход Москвы со стороны Ярославской области, началось строительство оборонительного пояса. С ноября 1941 по январь 1942 года только на западном рубеже было построено 196,7 км противотанковых препятствий, 1821 огневая точка, 240 командно-наблюдательных пунктов, 1012 землянок, изготовлено 8826 противотанковых ежей, 233 дота. Позже Сергей Александрович Кручинин восстанавливал разрушенные заводы, строил военные и гражданские объекты.

А Клавдия Михайловна держала собственную оборону на вверенном ей объекте в своем доме: берегла и кормила Алю с Люсей, стояла в очередях. На ее попечении редко оставались только свои дочери: то и дело жили племянницы и маленькая соседская девочка, чьи матери работали, а отцы погибли.

– Мама была самой обыкновенной женщиной, такой же, как все. Рядом жили Шунины, Белкины, Мясниковы, Зайцевы, Тверитневы, Коршуновы, Байкины, Гриневы, многие другие семьи – и все они выстояли в войну благодаря своим самоотверженным женщинам, благодаря нашей крепости – нашему дому.

Татьяна ЕГОРОВА.